

Бабушка Хуан и Старик Сун не стали спорить с Сун Янем. Они взяли по три тысячи, а себе он оставил четыре.

Для людей круга Яо Хуэя подобные суммы ровным счётом ничего не значили, но для стариков эти деньги, при разумной экономии, обеспечивали безбедную жизнь на пару-тройку месяцев. Сун Янь тоже не жаловался: два выполненных заказа подряд позволили ему больше не беспокоиться о расходах на первый семестр университета.

Конечно, если подворачивалась работа, он не отказывался. В планах уже зрела мысль понемногу откладывать на ремонт: хотелось привести комнату в порядок, сменить угрюмый голый бетон на белёные стены, положить мраморную плитку, купить приличный шкаф и холодильник.

— Но кровать менять не будем, она у нас и так хорошая... — Сун Янь с некоторым сомнением покосился на свою мебель.

Ему было жаль расставаться с вещью, на которую он когда-то потратил несколько сотен, даже несмотря на настойчивые советы Му Сю полностью обновить обстановку. Заметив это, Му Сю лишь едва заметно улыбнулся. Он плавно подлетел ближе и, зависнув рядом, принялся пристально вглядываться в лицо юноши.

— Что такое? — Сун Янь невольно моргнул, не понимая, чем вызвано такое внимание.

— Янь-Янь, ты стал ещё краше...

Му Сю подался вперёд, почти касаясь своей щекой его лица. И это не было пустой лестью — Король призраков лишь констатировал факт. Годы недосыпа, жизнь в вечных сумерках и скудное питание наложили на облик Сун Яня отпечаток болезненной бледности и вечной усталости, что крало добрую долю его природной привлекательности. Но теперь, когда ночной сон стал спокойным, а под присмотром Му Сю наладилось и питание, к нему постепенно возвращались силы, а вместе с ними и живой румянец.

Кончики ушей Сун Яня незаметно порозовели. Он мягко отстранил голову призрака, который, казалось, вовсе не собирался отодвигаться.

— Красотой сыт не будешь. Вечером у нас дела, нужно понемногу копить деньги на ремонт...

Сун Янь всё ещё не видел ничего зазорного в своей серой, запущенной комнате, но в глубине души уже начал с предвкушением ждать того преображения, о котором так вдохновенно рассуждал Му Сю.

Вечерняя работа обещала быть непыльной. В городке Сяохэ скончался старик, и их пригласили провести обряд: прочитать сутры и, если получится, узнать, не осталось ли у покойного каких-

то недосказанных слов для родных.

Когда сгустились сумерки, Бабушка Хуан закружилась в ритуальном танце, а Старик Сун занялся омовением и облачением тела. Сун Янь тем временем вместе с Му Сю негромко беседовал с призраком покойного, который готовился к естественному перерождению.

— Я умер? Неужто помер? Просто уснул и всё? — Призрак старика никак не мог примириться с очевидным.

Сун Янь безучастно кивнул и указал в сторону:

— Твоё тело там, можешь сам убедиться.

Старик подлетел к гробу, долго разглядывал собственную оболочку, даже пытался в неё вернуться, но после долгих тщетных усилий всё же поник, осознав неизбежное.

— Значит, и впрямь конец... А ведь пожить ещё хотелось, — сокрушался он, не переставая жаловаться Сун Яню на несправедливость судьбы.

— Осталось ли что-то, что ты не успел сказать близким? Я могу передать, — предложил юноша.

Он смотрел на метания духа совершенно спокойно. Большинство новоиспечённых призраков вели себя именно так: многие осознавали факт собственной кончины лишь в тот миг, когда их окончательно забирали за черту. Но времени у старика оставалось в обрез. После перерождения он вряд ли сможет вернуться в мир живых раньше праздника Цинмин или Середины седьмого месяца, да и тогда земные дела сотрутся из его памяти.

Призрак обернулся. Посмотрел на детей и внуков, которые, сгрудившись в соседней комнате, тихо оплакивали потерю, а затем перевёл взгляд на свою старуху. Та сидела на маленьком табурете у самого гроба, застыв истуканом. Старик тяжело, по-человечески вздохнул.

— Передай ей... пусть живёт. Пусть за нас двоих радуется, сколько Бог даст. Нечего ей ко мне торопиться.

Сун Янь кивнул. Он подошёл к гробу и присел рядом с пожилой женщиной. Дождавшись, когда она поднимет на него свой затуманенный, незрячий взгляд, он слово в слово повторил наказ мужа.

— Я... я поняла.

По морщинистым щекам скатились две слезы. Тяжёлая, душащая тоска, что камнем лежала у неё на сердце, вдруг начала таять. Лицо женщины разгладилось, и она, вопреки ожиданиям,

благодарно улыбнулась Сун Яню:

— Спасибо тебе, сынок.

Юноша поднялся и, взяв ритуальный медный колокольчик Бабушки Хуан, начал размеренно звенеть, прокладывая духу дорогу к свету.

Плач в поминальном зале усилился. Старик Сун накрыл гроб крышкой. Около четырёх часов утра траурная процессия из нескольких десятков человек двинулась в сторону крематория. Впереди, под мерные удары гонга и перезвон колокольчика, шёл Сун Янь, провожая покойного в последний путь.

Работа закончилась лишь тогда, когда прах был собран в урну и возвращён в дом для окончательного прощания. Получив три конверта с платой и пообедав в доме усопшего, Старик Сун отправился в пригород заниматься своим хозяйством, а Сун Янь вместе с Му Сю вызвался проводить Бабушку Хуан до её лавки.

Магазинчик шаманки был крошечным — теснее, чем лестничная клетка в обычном доме, — но именно он служил для неё неисчерпаемым источником городских слухов и новостей. Обычно, если дверь была открыта, клиенты заходили сами, а если заперта — оставляли записки со своими контактами в железном почтовом ящике на стене.

Когда лязгнула тяжёлая дверь, взору открылась картина, мало чем отличавшаяся от беспорядка в каменном доме старухи. Вещи громоздились друг на друге, кругом царил хаос и пыль. Если бы не развешанные повсюду холсты с магическими символами, это место легко можно было бы принять за свалку старого тряпья.

— Мне нужно уехать. Хочу навестить старого друга, вернусь примерно через неделю, — Бабушка Хуан протянула Сун Яню связку из двух ключей. — Вот от лавки и от склада.

Она прошла вглубь помещения и вытянула из-под кучи хлама пластиковый пакет, внутри которого лежала новенькая одежда тысячи лоскутов. Судя по размеру, её сшили точно по фигуре Сун Яня. Старуха довольно усмехнулась, встряхнув обновку.

— Сестра Сюй очень хотела тебя отблагодарить. Я присоветовала ей пустить на дело те отрезки, что остались у неё в мастерской.

«Сестра Сюй» была матерью призрака Сюй Юньюнь. Недавно она вновь открыла своё ателье и в знак признательности сшила для юноши эту одежду тысячи лоскутов. Сун Янь принял подарок, осторожно погладив ткань — добротную и приятную на ощупь. В душе шевельнулось привычное чувство неловкости: он считал, что тётушка Сюй ему уже ничего не должна.

— Бери, не сомневайся, — подмигнула Бабушка Хуан. — Ей ещё не раз придётся к нам

обращаться. У неё ведь в доме тоже один жилец задержался, так что без твоих советов ей не обойтись.

Сун Янь на мгновение задумался, а затем согласно кивнул:

— Хорошо.

— На этой неделе сам смотри: заказы, какие придут — бери. А Танец успокоения... ну, можешь поплясать для вида, только без фанатизма, — напутствовала шаманка. Она до сих пор с содроганием вспоминала, какой эффект производили выступления Сун Яня. Это было по-настоящему жутко.

— Я понял.

Больше Бабушка Хуан за него не переживала. Она вкратце пояснила, где лежат нужные материалы, подхватила заранее собранный узелок и вышла на улицу.

Сун Янь и Му Сю проводили её до перекрёстка. Оставшись один в загромождённой камерке, юноша тихо вздохнул и принялся за уборку. Му Сю тем временем устроился в единственном чистом плетёном кресле. Подперев щеку рукой, он не отрываясь следил за каждым движением Сун Яня, словно замороженный.

К этому он давно привык. Он сосредоточенно разбирал завалы: вскрывал ящики, сортировал содержимое и выносил всё лишнее за порог. Когда хлам был убран и полы выметены, в комнате осталось лишь кресло, в котором восседал призрак.

Сун Янь подошёл, собираясь вынести и его на время влажной уборки, но Му Сю не только не встал, но и с вызывающей улыбкой подтянул ноги на сиденье.

— Сиди смирно, — бесстрастно бросил Сун Янь.

Он ухватился за подлокотники и приподнял кресло вместе с ношей. В этот миг Му Сю обвил руками его шею и снова прижался лицом к его щеке. Сун Янь на мгновение замер, но не остановился. Он вынес кресло в тень навеса и только там осторожно опустил на землю.

Му Сю послушно убрал руки. Глядя на его напускную покорность, Сун Янь невольно усмехнулся про себя. Он вернулся в лавку, и его шаги теперь казались куда легче и бодрее.